

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ И РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

П.С. Лемещенко

Белорусский государственный университет, liamp@bsu.by

При всех сложностях и трудностях, которые выпали на долю населения и основателей классической политической экономии, все же основу предмета первой научной картины мира составлял человек и соответствующая система производственных отношений и «отношений общения». Чего стоили для гносеологии в эпоху средневековья тезисы о том, что «труд – отец богатства, а земля ее мать» или принципы «исследования о природе и богатстве народов», экономические законы эволюции капитала! Известная книга И.Т. Посошкова вообще открывается главой «О духовности». Можно ли считать «развитием» экономической науки как доминирующего общественного института, задающего фокус мышления и реальной стратегии поведения субъектов хозяйствования, управленцев, политиков, если даже в начале XXI века ею задается установка лишь на утилитарно-материальные ценности и «эгоистический экономический интерес»?

Проблема *развития* незаметно и в силу разных *обстоятельств (!)* заменилась теориями экономического роста, что, однако, является всего лишь *частным случаем* фундаментальной теории. Последняя, к сожалению, за последние сто лет не обеспечила заметного прорыва в своей эволю-

ции, где наиболее активно и плодотворно проявили себя лишь *узкоприкладные* статично-функциональные концепции и микро- макромоделли. Однако отход экономистов от *проблем социально-развития*, и методологическая причина здесь занимает доминирующую позицию, вовсе не избавил мировую и национальную экономики от нарастающих как снежный ком острых вопросов хозяйственной практики. Скорее наоборот – события конца XX начала XXI вв. обусловили не просто актуализацию поиска и обсуждения всевозможных концептуальных аспектов развития, а через определенные международные институты встраивание идеи *устойчивого развития* в национальные политико-экономические стратегии стран и регионов, внося в ее содержание свой смысл. В чем же все-таки суть проблемы? Обращению к ее исходным истокам побуждает, мягко говоря, очередная *мифологизация* и искажение данного явления, несмотря на свою необычайную важность, остроту и злободневность.

Принципиальной ошибкой и даже очередным идеологическим мифом, является утверждение о том, что *переход к рынку автоматически* обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Но если и принять во внимание это примитивно толкуемое утверждение, то все-таки *оно абсолютно не является достаточным*. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких теориях развития, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали *порочный круг*: бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная и инновационная активность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [1, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [2, с. 391]. А какие же теории (теория) более или менее внятно и с учетом всех составляющих современного этапа эволюции объясняют процесс политико-экономического и социально-технического развития? К сожалению, их сегодня нет и мало кто задумывается дальше проблем экономического роста. Но, как показывают современные разработки, экономический рост далеко не решает всех проблем. Иногда он их даже усугубляет. Например, в нашем случае, когда очень ограничены рынки сбыта для наших традиционных товаров, в результате чего возник, можно сказать, кризис сбыта. К тому же надо учитывать крайне устаревшую и изношенную физически технико-технологическую базу, не позволяющую уже производить конкурентную продукцию для современного рыночного пространства.

Каким-то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практический интерес и к трудам К. Маркса, в частности к «Капиталу». Восстребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, предмет которых как-раз-таки и фокусирует внимание на поиске онтологических и гносеологических источниках, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования деятельности субъектов. Эти научные дисциплины по своей исходной основе дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит – истинное богатство или же транзакционные издержки, и обосновать *зарабатываемость* получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы [3, с. 3-23]. Однако, подчеркнем, что крупнейшей *социальной инновацией* середины 20-го века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. *Сложная норма поведения*, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, распространение идей которой выстраивало соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали успех или его неудачи, иначе стал оцениваться бизнес.

Таким образом, анализ литературы по экономическому росту и инновациям обнаруживает, во-первых, то, что инновационная тематика, пытающаяся заменить действительную проблему *развития*, очень мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в работах разного рода работ эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить *единую* целостную технологичную картину и, следовательно, программу инновационной политики, ориентированной на развитие. А разнородные новации могут противоречить друг другу, не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости. Во-вторых, люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (термин П. Друкера), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах. Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. В-третьих, нет и книг (почти нет) эту тему. Они, как бы парадоксально это ни выглядело, не востребованы тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки. Этим объясняется внимание к нанотехнологиям.

Серьезная ошибка исследователей в области экономической истории теории заключается в том, что они ведущим фактором экономического роста считают ресурсы и размер капитальных вложений. На самом деле, ключевым условием развития и роста является *институциональная структура и ее воздействие на стимулы не только к изобретениям и инновациям, но и к более эффективной организации производственного процесса, к уменьшению транзакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, и главное, к совершенствованию этих стимулов*. При таком подходе мы можем и не знать, как конкретно достичь желаемых результатов, однако мы можем правильно подойти к разгадке, почему все же нам не удается этого сделать.

Институты выполняют роль «несущей конструкции» любого общественно-экономического образования и с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение. Поэтому как *устройство, так и изменение, совершенствование социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к институциональному устройству*. Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением *особых институтов*, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. «Нации конкурируют в основном в выборе альтернативных институтов или стратегии для стимулирования более быстрого экономического роста и повышения жизненного уровня... Конкурентоспособными являются те нации, которые выбирают институты и политику, способствующие долгосрочному росту» [4].

Важной методологической установкой для выяснения проблем развития и роста в транзитивных экономиках представляется категория транзакционных издержек и институциональная динамика. Эти две позиции связаны между собой, хотя имеют и самостоятельное значение. Экономическое развитие и рост в определенных институциональных условиях — это, прежде всего, результат расширения такой кооперации и обмена, при которых транзакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках «благодаря» разрушению (стихийному или целенаправленному) старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, поскольку *социальный капитал* системы разрушился, а «плотность экономического поля» резко снизилась. Новые же институты для своего создания требуют часто довольно значительных затрат времени, равно как и затрат материальных. Отдача от новой системы институтов имеет свой временной лаг. И хотя «*институциональные пустоты*» нуждаются в более тщательном объяснении, общим итогом этого явления стало резкое снижение социального потенциала, не позволяющего, в конечном счете, реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал. Таким образом, кривая «*институционально-социальных возможностей*» может выступать препятствием реализации кривой «*производственных возможностей*». Обмену мешают увеличивающиеся транзакционные издержки, следствием чего выступает низкая эффективность используемых факторов производства, не обеспечивающая *высокотехнологичного прироста ВВП, если даже будет на то сильное административное давление*. Опыт истории социалистической экономики должен все-таки учитываться.

Однако созданные *новые институты*, которые отражают всю систему производственных отношений, а они сегодня никак не изучаются, могут стать и серьезным препятствием для реализации имеющегося экономического потенциала. *Институциональные инновации*, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики. Но инновационное развитие имеет циклический характер. Современное состояние мир-экономики таково, что технико-технологические циклы не совпадают с *другими циклами экономического развития*. Последствия разных циклов прямо или косвенно отражаются на национальных экономиках из-за сложившейся интеграционной тенденции и целостности мирового хозяйства. Капитал современной экономики – это *кооперация капиталов*, которая обеспечивает новую производительную силу для обеспечения развития в нынешних условиях. Следующее противоречие современной мир-экономики лежит в плоскости столкновения интересов *денежной экономики* и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с *нравственно-этическими и моральными ценностями человека*. Мы хотим обратить внимание на *рентоориентированность и утерю инновационно-производительной мотивации современного бизнеса*. Сегодня доля дохода транзакционного сектора в ВВП западных стран превышает 50%, что свидетельствует о серьезных тенденциях к стагнации самих национальных систем. Интересны иные исследования, в которых, например, через индекс Конфуция определяются будущие перспективы развития той или иной страны. Оказывается, если в государстве придерживаются учения этого философа, то страна имеет высокий индекс и, следовательно, высокую ориентацию на будущее: Китай – 118, Гонконг – 96, Тайвань – 87, Япония – 80, Индия – 61, США – 29, Великобритания – 25 [5]. «...История предполагает, - пишет П. Кругман, - что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [6, с. 458]. Думается, на сегодняшний день в мир-экономике, отдельных странах, регионах уже накопилась достаточно весомая критическая масса институциональных и личных требований к изменению существующих правил и принципов ведения хозяйства. Ведь *экономическое развитие* – это такая комбинация интеллектуальных, ресурсных и институциональных изменений системы, которые создают условия для накопления кумулятивного потенциала, способного осваивать совершенные технологии, создавать новые виды продукта, осваивать иные рынки сбыта, увеличивать реальный продукт для потребления, обеспечивая благоприятные условия для жизнедеятельности человека.

Список использованных источников:

1. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001, № 2.
2. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3.
3. Лемешенко П.С. Институциональная природа денег, Или к основанию тайны финансового кризиса // Социология. Мн.: БГУ, 2009, № 1.
4. Сакс Дж. Доклад по глобальной конкурентоспособности на Международном экономическом форуме в Давосе. / [Http: // ft_teltvision. Com / today / stories / wef3.htm](http://ft_teltvision.com/today/stories/wef3.htm) 20/04/98.
5. Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. – L., 1992.
6. Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004.